
ТЕМА ПОЭТА И ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ СОДРУЖЕСТВА «ПЕРЕВАЛ»: ОБЩИЙ ОЧЕРК

А.Ю. Овчаренко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

В статье впервые дается общий очерк классической темы «Поэт и поэзия» в творчестве поэтов Содружества «Перевал» в контексте литературного процесса 1920—1930-х гг. Развитие этой темы дает возможность говорить о поэтах-перевальцах как о продолжателях классической традиции А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Блока и др.

Ключевые слова: поэзия 1920—1930-х гг., традиции и новаторство, Содружество «Перевал», поэт и поэзия, творческая позиция.

О молодой русской поэзии 1920—1930-х гг. написано уже немало: от не потерявшей своего значения книги А.Н. Меньшутина и А.Д. Синявского до книг В.И. Фатющенко, М.А. Левченко и коллективного тома ИМЛИ РАН «Портреты поэтов» (1). С публикацией текстов ситуация гораздо хуже: активнее издавалась пролетарская поэзия — последний по времени сборник «Комсомольские поэты 1920-х годов» вышел в «Библиотеке поэта» в 1988 г., издаются «новокрестьянская поэзия», К. Вагинов, обэриуты и «забытые» поэты (Т. Чурилин, А. Тиняков и др.). Поэзия «Перевала» как отдельное явление, как совокупность творческих судеб, как факт литературного процесса 1920—1930-х гг. по-прежнему остается вне поля зрения исследователей. Последние, далеко не полные, издания стихов ведущих поэтов «Перевала» выходили более 40 лет назад: Н.Н. Зарудина — в 1970 г., В.Ф. Наседкина — в 1978 г., П.Д. Дружинина — в 1962 г. и т.д. В 1989 г. в «Библиотеке поэта» вышла антология еще одного перевальца «Д.Н. Семеновский и поэты его круга», а в 2006 г. в «Истории русской литературы XX века. 20—50-е годы» впервые появилось несколько строк о поэзии «Перевала» как об отдельном явлении. Тексты менее известных перевальских поэтов Н. Тарусского, Е. Эркина, Н. Смирнова, А. Ясного, Н. Кауричева, Б. Ковынёва и др. не собраны и не изданы. Участие в «Перевале» Э. Багрицкого, М. Светлова, М. Голодного, Д. Кедрина, Н. Дементьева, Дж. Алтаузена и др. традиционно считается либо фактом личной биографии, почти ошибкой, либо воспринимается как этап «политической эволюции» (А. Селивановский).

Говорить о поэзии «Перевала» непросто по разным причинам. С одной стороны, надо преодолевать инертность российской литературной науки, сменившей одни штампы на другие, с другой — о составе поэтического «крыла» «Перевала», которое было в тени блестящих критиков и выдающейся прозы Содружества, мы не можем судить с полной уверенностью. Основными, хотя и формальными, критериями становятся подпись одного и того же поэта под перевальскими декларациями 1925, 1927 и 1930 гг. и частотность появления их имен в составе поэтиче-

ских разделов перевальских сборников, а также включение в единственную антологию «Перевальцы», призванную выразить «художественную сущность перевальского движения». Косвенную информацию можно получить из вступительных статей к сборникам стихов перевальцев, критических статей о творчестве поэтов (А. Селивановского, например), из воспоминаний современников (опубликованных, например, в альманахе «Эдуард Багрицкий»), статей и рецензий критиков-перевальцев — В. Дынник, А. Лежнева, Д. Горбова, А. Воронского и др. Опираясь на эти формальные критерии, мы можем говорить о том, находился ли тот или иной поэт в составе Содружества в течение всего периода активной деятельности «Перевала» в 1924—1930 гг. Соответственно, отдельные стихотворения и поэтические книги, вышедшие в этот период, также можно, хотя с некоторой долей условности, считать «перевальскими».

У истоков Содружества стояли комсомольские поэты из «Молодой гвардии», «Рабочей весны» и «Октября», которые решили присоединиться к «Перевалу». С. Пакентрейгер писал о них: «Как люди, как граждане, как поэты они вышли из шторма, духовно родились, формировались и закалялись в годы диктатуры, вместе с отцами проложили себе дорогу в историю, на гребне Октября увидели горизонты мирового социализма, „ползли на брюхе в грязи“ во время отступлений, оскаливали зубы и оттачивали волю к победе в борьбе с мятежниками, подымавшимися против революции, кровью оплатили завоевание политической власти и ныне оплачивают подчас суровой ценой сохранение своей сущности и возможности ее реализации» [1]. Тем не менее, из МАПП они ушли именно потому, что были «против казенного оптимизма и натужной бодрости», их лирика не была революционной. Перевальский критик В. Дынник называла такую лирику «личной» и писала о «повороте от декларативной поэзии первых лет революции к более органическому, более эмоциональному творчеству». Этот «отказ от демонстративно современных тем и от ультрареволюционной формы» у перевальцев она объясняла тем, что «поэзия подлинно-современного лирика не нуждается в обязательном пропуске своем сквозь фильтры отменно-современных тем» [2].

Этот общий эмоциональный настрой проявлялся и в отказе от бравурной революционной поэзии, космизма и индустриальной апологетики Пролеткульта и «Кузницы»: их заменяла традиционная медитативная и пейзажная лирика. Это нашло свое отражение в заглавиях книг поэтов «Перевала»: «Соломенный шум», «Теплый ветер», «Поле-юностью», «Благовещение», «Земля в цветах», «Ночные встречи», «Дороги», «Земное», «Корни», «Золотой ковш», «Серебряный ветер» и др. В заглавии демонстрировалась гармоническая связь с миром природы, внимание к первоосновам жизни; эти заглавия обладали значительным «запасом смыслов» (Л. Гинзбург), гораздо большими ассоциативными возможностями, чем книги их литературных противников («Партбилет № 224332», «Октябрьские зори», «Лесное комсомолье», «Тракторный пахарь» и многие другие). Тем не менее, перевальцы, по их собственным словам, всегда опирались на свою органическую принадлежность к революции, в которой большинство из них получило «общественное воспитание».

Перевальские поэты разрабатывали «вечные», традиционные для русской поэзии темы. Злободневные темы сменяли одна другую, ушла поэтизация завода, спор о «романтике революции» в поэзии закончился диалогом Э. Багрицкого и Н. Дементьева («Разговор с комсомольцем Николаем Дементьевым» и «Ответ Эдуарду»): «Любимых целуя — мы глаз не слепим / Патетикой кавалерийской степи». Тема же «Поэт и поэзия», тема творческого пути осталась. Программные стихи ведущих поэтов «Перевала» посвящены именно ей: «Мой стих» (М. Голодный), «Поэт» (Д. Семёновский), «Поэту» (С. Спасский), «Жизнепеснь», «Поэт» (П. Дружинин), «Творчество» (Н. Зарудин) и др.

У перевальцев был традиционный для русской поэзии выбор творческого поведения: идущая от К. Рылеева («Я не Поэт, а Гражданин») через Н. Некрасова («Поэтом можешь ты не быть / Но гражданином быть обязан») гражданская, политическая позиция или же философская от А. Пушкина и М. Лермонтова до А. Блока. Да, они не искали за каждой мелочью «мировую революцию», как А. Безыменский, не считали, что во всем «есть электроны классовой борьбы», как «кратковременный» перевалец Дж. Алтаузен, не писали «небо и забор» «сплошнойю красной краской», как Д. Бедный, и не «приравнивали к штыку перо», как В. Маяковский. Однако их стихи не могли не жить современной жизнью. Как и вся послереволюционная литература, поэзия «Перевала» развивалась в полемике, причем это была полемика с агитационной поэзией. Поэт «Перевала» — не «ассенизатор и водовоз», у него не «шершавый язык плаката», в лирике перевальцев практически отсутствует апелляция к «классу-победителю» или к народу, что было характерно для Д. Бедного и В. Маяковского. Д. Бедный свой творческий манифест, в рамках которого развивалась пролетарская в широком смысле слова поэзия, сформулировал еще в 1917 г. Он писал, обращаясь к народу: «...Мне важен суд лишь твой... / ...Ты, чьих надежд и дум я — выразитель верный, / Ты, темных чьих углов я — «пес сторожевой» [3].

Отвечая Д. Бедному, перевалец М. Голодный в своем поэтическом манифесте «Мой стих» говорил о своем стихе: «...Сливаясь с ним, могу метать / И ярый гнев, и нежный звон», декларируя разнообразие жанров и тем своей лирики (ср. оппозицию «литавры — гитара» у Ю. Тынянова). Главным для М. Голодного, как и для всех перевальцев, было не служение народу,ходящее у Д. Бедного до крайнего выражения — «сторожевой пес», не простая констатация фактов и учет материальных достижений: «Сыры не засижены... / Цены снижены» (В. Маяковский), а поэтическое предвиденье, взгляд в будущее, его стих «слышит запах перемен / Пока не слышных никому» [4. С. 256].

Поэт-перевалец и не «Железный мессия», не «певец труда и машин» Пролеткульта и «Кузницы». Облик музы поэтов-перевальцев не был «суров и дик», они не соединяли «меч борьбы священной» с «легковейными музами», как В. Кириллов и другие пролетарские поэты, и не использовали поэтический словарь К. Балмонта и И. Северянина. Их «мудрый в глупости поэт» (прямая отсылка к словам А. Пушкина о том, что «поэзия...должна быть глуповата» у Н. Зарудина) слышит «музыку мира» (Д. Семёновский), несет в себе «как чашу / И этот купол голубой, / И звезд нетронутую чашу» (В. Наседкин). Поэт-перевалец не ищет «места в рабо-

чем строю», он традиционно одинок в мире: это «мечтатель, чудака», «бедняка», «осмеянный, втоптаный в пыль» (Д. Семёновский апеллирует к «Пророку» М. Лермонтова), а не «горлан-главарь» В. Маяковского. И основы творчества для перевальских поэтов — в окружающем мире, в природе в первую очередь. Позднее также будет понимать истоки поэтического творчества и А. Ахматова, говоря о «соре» как о почве для стихов («Мне ни к чему одические рати...»). Их поэт, как и «Пророк» А. Пушкина, как и поэт в «Балладе» В. Ходасевича 1921 г. («Стопами в подземное пламя / В текущие звезды челом») обладает особым видением мира:

Я все душой приемлю тонко,
Все прославляя, все ценя —
И рев зверей, и крик ребенка,
И дразги будничного дня. [5. С. 63]

Не случайно поэзия для перевальцев — не ультрасовременная «добыча радия» (В. Маяковский), а плотницкое дело, вызывающее различные культурные ассоциации. В программном стихотворении «Творчество» Н. Зарудин следует за мыслью своего любимого, как и многими перевальцами, поэта — Александра Блока, высказанную им в речи «О назначении поэта» о том, что поэт должен «поднять внешние покровы». Подчеркнем, что плотник, как и скульптор, снимает внешние покровы, а не разрушает вещество. Вот почему «снятие покровов» стало одной из основ творческой философии «Перевала»:

Ворваться острою пилою мысли,
Пилить, строгать, в усталости стихать,
Чтоб закрепить все имена и числа
Железным обручем сурового стиха. [6. С. 59]

Перевальцы осознавали, как традиционно труден в России путь поэта, этот «кремнистый путь» (М. Лермонтов), «путь, открытый взорам» (А. Блок), который «неприметен», в «ухабах и сугробах», продуваем «шершавым ветром», сопровождаемый «волчьими взглядами» (В. Наседкин). Тревожные нотки особенно слышны в стихах 1927 г., после смерти С. Есенина и разгрома «Красной нови»:

Жуть — пристяжкой.
Час — глухой,
След дороги неприметен.
Леденелою трухой
Обдает шершавый ветер. [8]

Мы выделили лишь некоторые, наиболее типичные черты воплощения темы поэта, поэзии и творческого пути перевальских поэтов. Художественная философия «Перевала», сформированная на основе прозы и поэзии Содружества, выражалась в признании свободы художника («Ты — царь, иди один» А. Пушкин), в особом видении мира, способности, в частности, «слышать запах перемен» (развитие идей Е. Замятина о писателе как о «матросе на мачте»), в признании специфичности искусства как особого способа познания действительности и особого вида деятельности, предполагающей овладение всей культурой прошлого,

что невозможно без свободы творчества и свободы личности художника. Свобода подразумевает ответственность художника, убежденного в том, что его дело не является второстепенным в ряду других видов деятельности.

Эстетика и философия творчества, свобода художника, поиски новых творческих методов — все это должно было, по мнению «Перевала», служить революции, перестройке общества, созданию нового человека. Если для подавляющего большинства молодых писателей революция знаменовала начало совершенно нового мира, характеризующегося отказом от прошлого, то перевальцы говорили о том, что они идут «по семенам и по праху». Для них прошлое — русская поэзия — было не мертво: провозглашая культурную и эстетическую преемственность поколений, перевальцы говорили о «груде неразобранных зерен». И хотя прах явно ассоциировался с пожаром революции, то зерна — это семена, посеянные прошлым, и надо, очистив от плевел, дать прорасти этим семенам.

Для писателей, безоговорочно принявших революцию, напрямую связавших с ней свою литературную судьбу, традиционное понимание темы поэта и поэзии было нетипично: их «песнь должна вооружать на борьбу» (Дж. Алтаузен), в их любовной лирике должен «пламенеть красный цвет моих республик» (В. Маяковский), и т.д. На этом фоне своеобразие позиции поэтов Содружества «Перевал» было именно в традиционности: в их строчках были «И косы, и тучки, и век золотой», как у А. Блока, и подснежник — «синий лирик» (Н. Зарудин), как символ новой хрупкой жизни.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) *Левченко М.А.* Индустриальная свирель: Поэзия Пролеткульта 1917—1921 гг. — СПб.: СПГУТД, 2007; *Меньшутин А.Н., Синявский А.Д.* Поэзия первых лет революции. 1917—1920. — М.: Наука, 1964; *Русская литература 1920—1930-х годов. Портреты поэтов.* — М.: ИМЛИ РАН, 2008. Т. 1; *Фатющенко В.И.* Русская лирика революционной эпохи (1917—1922). — М.: Гнозис, 2008; *История русской литературы XX века (20—50-е годы): Литературный процесс.* — М.: МГУ, 2006. — С. 419—420.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Пакентрейгер С.* Александр Безыменский // Красная новь. — 1925. — № 8. — С. 247.
[2] *Дынник В.* Право на песню (О лириках) // Красная новь. — 1926. — № 12. — С. 245—246.
[3] *Бедный Д.* Мой стих // Пролетарские писатели. Антология пролетарской литературы. — М.: Гос. изд-во, 1924. — С. 38.
[4] *Голодный М.* Новые стихи. — М.: Молодая гвардия, 1928.
[5] *Дружинин П.* Соломенный шум. Стихи. — М.: Госиздат, 1924.
[6] *Зарудин Н.* Подем-юностью. Избранная лирика. — М.: Круг, 1928.
[7] *Наседкин В.* Ветер с поля. — М.: Советская Россия, 1968.

LITERATURA

- [1] *Pakentrejger S.* Aleksandr Bez y'menskij // Krasnaya nov'. — 1925. — № 8. — S. 247.
[2] *Dy'nnik V.* Pravo na pesnyu (O lirikax) // Krasnaya nov'. — 1926. — № 12. — S. 245, 246.
[3] *Bedny'j D.* Moj stix. — Proletarskie pisateli. Antologiya proletarskoj literatury literatury'. — М.: Gos. izd-vo, 1924. — S. 38.

- [4] *Golodn y'j M. Nov y'e stixi.* — M.: Molodaya gvardiya, 1928.
[5] *Druzhinin P. Solomenn y'j shum. Stixi.* — M.: Gosizdat, 1924.
[6] *Zarudin N. Polem-yunost`yu. Izbrannaya lirika.* — M.: Krug, 1928.
[7] *Nasedkin V.B. Veter s polya.* — M.: Sovetskaya Rossiya, 1968.

THEME OF A POET AND POETRY IN COMMUNITY “PEREVAL’S” WORKS: THE OVERALL SKETCH

A.Y. Ovtcharenko

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The author investigates the role of the classic theme “A poet and poetry” in the context of the literary process 1920—1930-ies in the works of Community “Pereval’s” poets. The development of this theme gives the opportunity to talk about the “Pereval’s” poets as Successors of the classical tradition of Pushkin, Lermontov, Bloc etc.

Key words: poetry of 1920—1930, tradition and innovation, the Community “Pereval”, a poet and poetry, creative position.